

Н О В Ы Я К Н И Г И :

Т О М Л Е Н І Е Д У Х А.

О книгѣ о П. Флоренскаго: «Столпъ и утверженіе истины».

О книгѣ о П. Флоренскаго трудно говорить, — это значитъ говорить объ авторѣ и о его личномъ религіозномъ пути. Книга о П. Флоренскаго нарочито и намѣренно субъективна. Не случайно избралъ онъ для нея полубіографическую форму дружеской переписки. Это не только литературный приѣмъ. Такова тональность его духовнаго типа, — о. Флоренскому такъ подходитъ богословствовать въ письмахъ къ другу... Слишкомъ силенъ у него паеосъ интимности, паеосъ психологическаго эсотеризма, — слишкомъ сильна потребность въ личныхъ отношеніяхъ и связяхъ. Онъ много говоритъ о церковности и о соборности, но именно соборности всего меньше въ его книгѣ. Въ его размышленіяхъ всегда чувствуется одиночество, уединенность. Изъ этого томительнаго одиночества онъ ищетъ исхода въ дружбѣ... И полнота соборности разрѣшается для него въ множественность интимныхъ дружественныхъ паръ, и двуединство личной дружбы психологически замѣняетъ для него соборность. Онъ живетъ въ какомъ-то укромномъ уголкѣ и хочетъ такъ жить, въ какомъ то эстетическомъ затворѣ. Онъ уходитъ съ трагическихъ распутій жизни, укрывается въ тѣсную, но уютную келію. И убираетъ ее душистыми и пряными цвѣтами... Флоренскій весь во времени, онъ живетъ въ какомъ-то разорванномъ мірѣ, въ непреодолимомъ, «асиндетонѣ». И время для него тоска, но не подвигъ, — время тянущееся и тянущее, вытягивающее и томящее душу. Флоренскому понятенъ динамизмъ, но непонятна исторія. Для него непонятно конкретное и творческое историческое время, въ которомъ не только переживается, но и совершается нѣчто. И въ этомъ разгадка его субъективизма. Онъ не чувствуетъ ритма церковной исторіи. Флоренскаго упрекали въ пристрастіи къ теологуменамъ, къ частнымъ богословскимъ мнѣніямъ. И дѣйствительно, къ теологуменамъ у него больше

вкуса, чѣмъ къ догматамъ. Точно догматы слишкомъ громки для него, и онъ предпочитаетъ неясный шопоть личнаго мнѣнія.. И въ книгѣ своей о. Флоренскій говоритъ прежде всего о переживаніяхъ, — не только о личномъ опытѣ, но именно о личномъ въ опытѣ. Правда, онъ смиряется и отрекается отъ собственнаго мнѣнія; онъ хотѣлъ бы ничего не говорить отъ себя, ничего своего, но только передавать и пересказывать общее, всецерковное. Однако, въ дѣйствительности онъ все время говоритъ отъ себя и о себѣ. Онъ субъективенъ и тогда, когда хочетъ быть объективнымъ. Со всею силою это сказывается въ его отношеніи къ церковному преданію. Онъ самъ сознается, что выбираетъ или подбираетъ свои ссылки и примѣры. Къ церковному прошлому онъ подходитъ не какъ историкъ, но какъ археологъ. И оно разбивается для него на множество памятниковъ древности и старины, среди которыхъ онъ бродитъ, какъ въ музеѣ. Свитокъ церковнаго преданія какъ-то свертывается для него, онъ не различаетъ эпохъ. Историческая перспектива для него нереальна. Все преданіе для него единая скрижаль, и эта скрижаль — притча, символъ недвижнаго... Историческія ссылки о. П. Флоренскаго всегда случайны и произвольны. Съ какимъ-то безпечнымъ эстетизмомъ плететъ онъ свой богословскій вѣнокъ. Для него не важны всѣ вопросы исторической критики, онъ легко ссылается на завѣдомо неподлинныя свидѣтельства, считаетъ мнимаго Діонисія святымъ Ареопагитомъ... И никогда не изслѣдуетъ, но только выбираетъ. И... умалчиваетъ, — это въ особенности для него характерно. И оттого такую особенной кажется его книга. Это книга личныхъ избраній. И прежде всего виденъ въ ней авторъ.

Свою книгу о. Флоренскій начинаетъ письмомъ о сомнѣніи. Путь къ истинѣ начинается отчаяніемъ, начинается въ пирроническомъ огнѣ. Это — мучительный и безысходный лабиринтъ и вдругъ гдѣ-то неожиданно вспыхиваетъ молнія откровенія. Остается неяснымъ, о какомъ пути говоритъ о. Флоренскій... Говоритъ-ли онъ о трагедіи невѣрующей мысли? или изображаетъ діалектику христіанскаго сознанія?.. Во всякомъ случаѣ онъ ставитъ вопросъ такъ, точно самое важное — убѣжать и спастись отъ сомнѣнія. Точно неизбежно для человѣка идти къ Богу черезъ сомнѣнія и разочарованія и здѣсь на землѣ проходить чрезъ чистилище и адскую муку... Вся религіозная гносеология сводится для о. Флоренскаго къ проблемѣ обращенія. Положительной гносеологии у него нѣтъ, онъ ограничивается отрицательной, не идетъ дальше пролегомень: какъ возможно познаніе?.. И вотъ въ разсужденіяхъ о. Флоренскаго вскрывается противорѣчіе: его психологія не соотвѣтствуетъ его онтологіи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ совмѣстить антиномизмъ и онтологизмъ? Какъ сочетать пирронизмъ съ платонизмомъ, — въ осо-

бенности при томъ толкованіи, какое самъ о. Флоренскій даетъ теоріи идей въ своемъ этюдѣ: Смысль идеализма (1915). Остается непонятнымъ и необъяснимымъ, почему такъ антиномиченъ надъ-рывень путь познанія, если міръ софіенъ въ своихъ основахъ и Софія, по опредѣленію о. Флоренскаго, есть «впостасная система міротворческихъ мыслей Божіихъ»... Какъ возможно, чтобы антиномизмъ выражалъ послѣднюю тайну мысли, если міръ созданъ въ Премудрости, въ Софіи, и есть премудрое откровеніе Божіе... Ученіе о грѣхѣ не разрѣшаетъ этой апоріи. Ибо для о. Флоренскаго двойтся не только грѣховное сознаніе, — мысли вообще свойственно колебаться въ антиноміяхъ и противорѣчіяхъ. Антиномично и христіанское сознаніе, антиномична догматика, антиномична сама истина, — «истина есть антиномія»... И это для о. Флоренскаго означаетъ не только несоизмѣримость религіознаго опыта и рациональныхъ схемъ, но и невозможность, для разума сдѣлать выборъ между: «да» и «нѣтъ». Получается впечатлѣніе, что только у мысли нѣтъ софійныхъ жорней, что и христіанское сознаніе остается въ плѣну и отравлено незнаніемъ. Станнымъ образомъ, въ главѣ о Софіи о. Флоренскій совсѣмъ забываетъ объ антиноміяхъ... И при этомъ міръ раскрывается для него, какъ система разума. Какъ будто бы въ послѣднемъ свершеніи антиноміи разрѣшатся или, по крайней мѣрѣ, остановятся въ вѣчномъ равновѣсіи. Однако, въ сознаніи Церкви это равновѣсіе еще не достигнуто. Такъ борьба съ рационализмомъ приводитъ о. Флоренскаго къ символизму въ догматикѣ. И здѣсь все качается. И отсюда нужно спасаться... Это относится не только къ личному пути, но и къ пути Церкви...

Отъ сомнѣнія разумъ спасается въ познаніи Троицы. И съ особой силою о. Флоренскій раскрываетъ спекулятивный смыслъ Троическаго догмата, какъ истины разума. Но страннымъ образомъ онъ какъ-то минуется Воплощеніе и отъ главъ о Троичности сразу переходитъ къ ученію о Духѣ Утѣшителѣ. Это отсутствіе христологическихъ главъ особенно разительно и выразительно въ книгѣ о. Флоренскаго. Образъ Христа, образъ Богочеловѣка какою-то неясною тѣнью теряется на заднемъ фонѣ. И оттого такъ мало подлинной радости въ книгѣ о. Павла. Точно ушелъ Господь изъ міра... И потому не столько радуется о. П. Флоренскій о пришествіи Господнемъ, сколько томится въ ожиданіи Утѣшителя, въ чаяніи Духа. И снова, не радуется о пришествіи Утѣшителя, но жаждаетъ большаго. Болѣе того, онъ какъ то не чувствуетъ неотступнаго пребыванія Духа въ мірѣ, — церковное вѣдѣніе Духа кажется ему смутнымъ и тусклымъ. Откровеніе Духа чувствуетъ онъ только въ немногихъ избранникахъ, но не въ «повседневной жизни Церкви». Точно еще не совершилось спасеніе: «чудное мгновеніе сверкнуло ослѣпительно и... какъ бы нѣтъ его»... И міръ остался темнымъ, непреображеннымъ,

— только сверху озаряютъ его какіе-то еще не грѣющіе, предразсвѣтные лучи. Сердце томится о небываломъ. И потому такъ грустно о. Флоренскому въ исторіи, — нѣкая истома грусти овладѣваетъ имъ, и душа вся вытянута къ еще не наступившему мигу... Въ мірѣ христіанскомъ о. Флоренскому какъ-то тѣсно и душно... Одностороннее вѣдѣніе Второй Впостаси не освобождаетъ міра, — напротивъ заковываетъ его въ законмѣрность. Ибо Логось есть именно «всеобщій «Законъ» міра». Откровеніе Логоса для о. Флоренскаго обосновываетъ научность, и потому въ христіанскомъ сознаніи не открывается свобода и красота міра. Христіанскій міръ есть міръ суровый и жестокій, міръ закона и непрерывности, — точно не прешла сѣнь законная благодати пришедши... Какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ только ждали еще Слова такъ и въ Новомъ мы только чаемъ Духа, — и стало быть, въ Новомъ Духъ является только такъ, какъ въ Ветхомъ являлся Логось. И неясно, что значитъ для о. Флоренскаго Пятидесятница... Рѣчь идетъ не только объ исполненіи, но именно о новомъ откровеніи, о третьемъ завѣтѣ. И въ концѣ времени онъ ждетъ не Второго Пришествія Христова, но Откровенія Духа... Остается безспорнымъ: о. Флоренскій не чувствуетъ абсолютности Новозавѣтнаго Богоявленія, Воплощеніе Слова не насыщаетъ его упованія. Станнымъ образомъ, онъ какъ-то не видитъ — Иисуса Сладчайшаго, не видитъ и пришедшаго Утѣшителя, и все ждетъ иного... И снова здѣсь вскрывается острое противорѣчіе въ его созерцаніяхъ. Міръ еще не преображенъ, но уже въ вѣчныхъ корняхъ своихъ онъ божественъ. И отъ тоски о. Флоренскій переходитъ къ славословію. Его томленіе разрѣшается въ созерцаніи Софіи: «есть объективность, это — Богозданная тварь»... Упованіе о. Флоренскаго — не въ томъ что пришелъ Господь и Богъ сталъ человѣкомъ, но въ томъ, то отъ самого творенія и по природѣ «тварь уходитъ во внутри-троичную жизнь». Въ первореальности своей міръ, какъ нѣкое «великое существо», уже есть нѣкое «четвертое лицо», четвертая Впостась. Въ ученіи о Софіи о. Флоренскій не стремится къ примиренію противорѣчій, — образъ Софіи двоится и является во многихъ аспектахъ. Но при этомъ всего слабѣе ученіе о Софіи связано съ образомъ Христа. И если о. Флоренскій называетъ Софію Тѣломъ Христовымъ, разумѣя при этомъ «тварное естество, воспринятое божественнымъ Словомъ», то, во-первыхъ: Софія предсуществуетъ въ своей полнотѣ и реальности всякому конкретному историческому времени, а во-вторыхъ: высшее откровеніе Софіи о. Флоренскій видитъ не во Христѣ, а въ Богоматери. Получается впечатлѣніе, что во Христѣ о. Флоренскій видитъ только Божество Слова, а полнота обоженнаго человѣчества открывается ему въ Приснодѣвѣ. И болѣе того, въ Богоматери видитъ о. Флоренскій предварительное явленіе Духа на землѣ, типъ пневматофаніи.

Это для него подлинное предвареніе будущаго вѣка, начало послѣдняго завѣта. И въ Приснодѣвѣ онъ видитъ и чтитъ прежде всего явленіе Софіи, — болѣе, чѣмъ Матерь Божію. О Богоматеринствѣ и о рождествѣ несказанномъ онъ говоритъ только вскользь, въ эпитетахъ и въ придаточныхъ предложеніяхъ. Во всякомъ случаѣ Богоматерь какъ то отдѣляется для него отъ Христа. И о соединеніи двухъ естествъ въ Богочеловѣкѣ онъ говоритъ глухо. Много говоритъ о. Флоренскій о духовномъ типѣ церковной мистики, съ формальной стороны, какъ о собираніи духа, какъ о дѣвственности души. Но по содержанію его мистика всего менѣе мистика Христа. Скорѣе, — мистика первозданной тварности, мистика софійной дѣвственности. И даже Церковь для него скорѣе осуществленіе премірной Премудрости, нежели раскрытіе Богочеловѣчества. Потому и уходитъ онъ изъ христіанской исторіи въ какіе то мечтательные планы... Можно сказать, въ сознаніи о. Флоренскаго какъ-то причудливо переплетаются августинизмъ и пелагианство: психологическій паеосъ дистанціи: вѣра въ природу твари... Съ этимъ связанъ еще одинъ характерный мотивъ: въ сущности челоѣчество предмірно разбито и раздроблено на множество несоизмѣримыхъ родовъ и типовъ, — съ особой рѣзкостью эту мысль о. Флоренскій развилъ въ своемъ замѣчательномъ этюдѣ: О типахъ возрастанія (въ Богословскомъ Вѣстникѣ 1906 года, Іюль-Августъ). И у каждаго есть свой предмірно опредѣленный путь, — о. Флоренскій выше ставитъ именно эту врожденную непорочность, нежели святость подвига. И высшій изъ «родовъ», — духовный родъ Богоматери... Флоренскій остро чувствуетъ проблематику обращенія, и мало ощущаетъ паеосъ возрожденія. Онъ чаеъ проявленіи софійныхъ устоевъ, но не говоритъ о воскресеніи. Въ дѣвственности, а не въ воскресеніи для него открывается послѣдняя судьба твари. Онъ какъ то замкнутъ въ кругу софійнаго иманнентизма.

Въ русской религіозно-философской литературѣ книга о. П. Флоренскаго занимаетъ особое мѣсто. Это очень яркая, но совсѣмъ не сильная книга. Напротивъ, въ ней есть что-то жалобное и тоскующее. Въ ней всего сильнѣе чувствуется усталость и разочарованіе. Это какая-то осенняя книга, и въ ней красота увяданія: «люблю я пышное природы увяданіе»... И какою-то безкрылою мечтою вплетаются сюда весенніе мотивы... Книга о. Павла, прежде всего, религіозно-психологический документъ. И документъ опредѣленной русской эпохи. Этимъ объясняется ея психологическій успѣхъ. Въ ней какъ-то слилось вся тоска ХІХ-го вѣка. По своему духовному смыслу это — очень западническая книга. Книга западника, эстетически спасающагося на Востокѣ. Романтическій трагизмъ западной культуры о. Флоренскому ближе и понятнѣе, нежели проблематика православна-

го преданія. Менѣ всего можно видѣть у Флоренскаго православною реставрацію, «стилизованное православіе»... Совсѣмъ не изъ православныхъ глубинъ исходитъ о. Флоренскій. Въ православномъ мірѣ онъ остается чужимъ, только быть православный онъ старается усвоить и то эстетически, т. е. какъ чужой. Скорѣе можно видѣть въ о. П. Флоренскомъ запоздалаго александрійца. Во всякомъ случаѣ, человѣкъ до-никейской эпохи. Въ этомъ узость и не-соборность его религіознаго сознанія. Флоренскій не пріемлетъ и не вмѣщаетъ церковно-исторической полноты, онъ выбираетъ изъ нея архаическіе мотивы. И притомъ не радость апостольскаго перво-христіанства, но пепельную грусть умирающаго эллинизма. На Флоренскомъ повторяется судьба Оригена: для обоихъ христіанство есть религія Логоса, а не Христа. Этимъ опредѣляется вся архитектоника религіозно-философской системы. Въ церковномъ синтезѣ снята исключительность александринизма, и вмѣстѣ съ тѣмъ претворены его истинныя прозрѣнія. Флоренскій хотѣлъ бы снова разложить этотъ синтезъ и вернуться къ двусмысленности III-го вѣка. И эта попытка реставраціи обречена на неуспѣхъ. Путь о. Флоренскаго уводитъ въ тупикъ. Это выдаетъ его грусть. И мысль срывается въ мечтательность и грезы. Его книга — книга о прошломъ, о трагическомъ прошломъ русскаго духа, возвращающагося въ Церковь. Еще не раскрылся предъ нимъ ликъ Богочеловѣка. И потому еще не открылся творческій путь.

Георгій В. Флоровскій.

1929. XII. 26.

С. Л. ФРАНКЪ. Духовны основы общества. Введеніе въ соціальную философію. УМСА Press. Paris 1930. 317.

Цѣнность настоящей книги опредѣляется прежде всего тѣмъ, что она подводитъ итоги соціальной наукъ за послѣднія 50 лѣтъ. Она совершенно необходима всякому, кто хочетъ философски углубить постановку соціальныхъ проблемъ и самостоятельно въ нихъ разобраться. Критика различныхъ теорій общества, господствовавшихъ доселѣ — индивидуалистической, органической, психологической, матеріалистической — выполнена блестяще, съ той поразительной ясностью и пластичностью, которая свойственна нашему автору. Собственная его точка зрѣнія состоитъ въ томъ, что общественное бытіе не есть ни бытіе матерьяльное, ни бытіе психическое, *а бытіе духовное*. Точный философскій смыслъ бытія «духовнаго», какъ особой онтологической категоріи, разъясняется авторомъ съ большою силою. Онъ движется здѣсь въ томъ направленіи, которое намѣчено было Дильтеемъ, и ранѣе Гегелемъ, но даетъ много новаго.